

Статья *за* ЛЮБОВЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Надежда Никольевна

18+

Надежда Никольевна

Статья за любовь

«Автор»

2026

Никольевна Н.

Статья за любовь / Н. Никольевна — «Автор», 2026

Вечером я впервые увидела его в окне дома напротив. Мужчина с короткими чёрными волосами и ярко-синими глазами, которые, словно звёзды, светились в темноте. Он - лучший следователь в городе, на его счету огромное количество раскрытых дел. Но однажды он спасает меня от человека, который когда-то был его другом. Чем всё закончится? Сможем ли мы быть вместе?

© Никольевна Н., 2026

© Автор, 2026

Надежда Никольевна

Статья за любовь

Пролог

Возвращение домой

«Шаг за шагом, год за годом, гордости полна душа...» — слова этой старой песенки крутились в голове навязчивым мотивом, в такт перестуку вагонных колёс.

Я до сих пор отчетливо помню тот день, когда меня уводили из зала суда. Мама тогда рыдала, уткнувшись в грудь отца, а он обнимал её, глядя мне вслед пустыми глазами. Странно было видеть их вместе: они уже много лет тому назад разошлись, у каждого давно своя жизнь, но моё падение на мгновение снова сделало их семьёй.

И вот мне двадцать. За плечами — два года зоны, вычеркнутых из жизни, а впереди — пугающая неизвестность, с которой мне только предстоит познакомиться.

На вокзале я купила билет до Питера. Обратю в город, откуда меня когда-то увезли. Туда, где в старой квартире всё ещё жила мама, наверное, ждавшая моего освобождения.

В поезде было душно. Кто-то косился на меня с опаской, угадывая в осанке и жёстком взгляде «прошлое», кто-то разглядывал с глупым интересом. Я не обращала на них внимания. Расположилась на своей полке как хозяйка — уверенно, закинув ногу на ногу, и просто смотрела в окно, где мимо пролетали серые деревья и чужие жизни.

Наконец, знакомый подъезд. Та самая квартира, где я провела восемнадцать лет жизни.

Я стояла перед дверью, которую когда-то считала входом в единственный надежный мир. В кармане куртки лежали ключи, но я не решилась ими воспользоваться — что-то внутри подсказывало, что за эти два года замки сменились не только в дверях, но и в душах. Я коротко нажала на звонок.

Дверь открылась почти сразу, но на пороге меня встретил не мама.

Передо мной стоял Уильям. Халат был наспех накинут на голое тело, золотистые волосы взлохмачены, а очки сползли на кончик носа, придавая ему вид человека, которого бесцеремонно вырвали из теплой постели.

— Татьяна... — прошептал он, и в его голосе смешались шок и какой-то постыдный испуг. Он не находил слов, просто смотрел на меня, загоразивая проход.

Из-за его плеча, привлечённая тишиной, выглянула мама. На ней был ярко-красный кружевной шёлковый халат, который вызывающе контрастировал с бледностью её лица.

— Таня, Господи... Ты вернулась! — вскрикнула она.

Мама нырнула под руку Уильяма и рванулась ко мне, пытаясь обхватить, прижать к себе, как в детстве. Но я инстинктивно отпрянула, прижавшись спиной к холодной стене подъезда. В этот момент свет от люстры в прихожей упал на её правую руку. Золотой ободок кольца на безымянном пальце сверкнул так ярко, что мне стало больно. Я перевела взгляд на Уильяма — на его руке блестело точно такое же.

Мир вокруг меня пошатнулся и рассыпался прахом. Свадьба. Кольца. И этот человек — лучший друг моего отца, теперь полноправный хозяин в нашем доме.

— Татьяна, это не то, что ты подумала... Послушай меня! — воскликнула мама, и в её глазах уже заблестели слёзы беспокойства.

Но я не хотела слушать. Каждое её слово сейчас казалось мне осколком разбитого зеркала, которое только глубже резало сердце. Предательство пахло шёлком и дорогим парфюмом Уильяма.

Я развернулась и, не разбирая дороги, бросилась вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

— Таня, ты куда?! — крикнула мама.

— Домой! К себе домой! — выплюнула я.

Я бежала вниз по лестнице, не чувствуя ног. В ушах всё ещё стоял мамин плач и приглушённый голос Уильяма, который её успокаивал. Я летела по ночным улицам, не разбирая дороги. На одном из перекрёстков меня чуть не сбила машина — я лишь услышала визг тормозов и ругань водителя в спину, но я даже не обернулась.

Ноги сами привели меня к другому дому. К той квартире, которую мне подарил папа на шестнадцатилетие.

Я влетела внутрь, захлопнула дверь на все замки и рухнула на диван. Сил больше не было. Я схватила подушку, уткнулась в неё лицом и закричала — долго, надрывно, выпуская всю ту боль, что копилась два года.

Мне было невыносимо обидно за отца. Он годами добивался любви мамы. Даже когда её мать — моя бабушка — сделала всё, чтобы их разлучить, он не сдался. Он уехал в деревню, но никогда не забывал о нас: присылал деньги, приезжал, участвовал в каждой минуте моей жизни. Он был настоящим отцом.

В день моего приговора она плакала у него на груди, а теперь... теперь она живёт с его лучшим другом. Она променяла папу на того, кто всегда был рядом лишь тенью. Папа до сих пор её любит, я знаю это... а она, по всей видимости, уже давно предала эту любовь.

В этой пустой, пыльной квартире я чувствовала себя окончательно осиротевшей. Свобода оказалась на вкус гораздо жёстче, чем тюрьма.

Через несколько дней я сорвалась в деревню к отцу. Мне нужно было смыть с себя городскую копоть и ложь, которой встретила меня квартира матери.

Отец встретил меня так, будто я вернулась с войны победительницей. Он закатил пир на всю Семёновку. Длинные столы во дворе, шумные соседи, песни под гармонь и запах шашлыка — он хотел, чтобы каждый в этом мире знал: его единственная, любимая дочь на воле. Но среди этого веселья был момент, который я не забуду никогда.

Мы сидели на крыльце, когда я, глядя в сторону, рассказала ему про Уильяма. Отец замер. стакан в его руке дрогнул. Оказалось, он не знал. Мама не просто скрывала их отношения — она нанесла ему удар в спину тогда, когда он меньше всего этого ожидал. Он молчал долго, глядя на заходящее солнце, и я видела, как в его глазах гаснет последний огонёк надежды на то, что когда-нибудь всё вернётся на круги своя.

— Значит, друг... — только и прошептал он. — Старый, верный друг.

Перед моим отъездом он завёл меня в дальнюю комнату дома. Там стояли ровные ряды пакетов и коробок.

— Это тебе, Танюш, — сказал он, потирая натруженные ладони. — Я не слал тебе передачки на зону. Знал, что ты гордая, что обратно завернёшь, а я этого не вынесу. Поэтому я просто покупал. Всё, что тебе могло понадобиться. Одежду, книги, всякую женскую всячину. Собирал и ждал, когда ты приедешь сама.

Я возвращалась в город с огромным количеством сумок. В них было не просто «баракло» — в них была отцовская вера в меня.

Первые месяцы на свободе были адом. Душа болела так, что хотелось выть. Жизнь на воле казалась дикой: слишком много шума, слишком много людей, слишком много выбора. Чтобы не сойти с ума от этой боли, я взялась за себя со всей яростью, на которую была способна.

Я заново училась жить. Училась не ждать окрика конвоя, училась смотреть людям в глаза, а не в пол. Устроилась на работу — сначала было невыносимо, казалось, что на лбу у меня выжжено слово «зэчка». Но я стиснула зубы и работала. Днём — учёба, ночью — работа. Я зубрила так, как не зубрила в школе. Когда пришли результаты вступительных в университет и я увидела своё имя в списках зачисленных, я впервые за два года заплакала. От облегчения.

А потом был день, когда я снова села за руль.

Последний раз я касалась баранки два года назад, ещё до того, как моя жизнь превратилась в пепел. Руки дрожали, когда я вставила ключ в зажигание. Мотор отозвался ровным, уверенным рокотом. В этот момент я почувствовала, что я снова у руля — не только машины, но и собственной судьбы.

Папа звонил почти каждый вечер. Он чувствовал, когда я была готова опустить руки.

— Не смей, Татьяна, — гремел он в трубку. — Ты мой стержень. Если ты сломаешься, то и я рассыплюсь. Шагай вперёд, и не оборачивайся.

Благодаря его поддержке, пусть и на расстоянии, я шла. Через боль, через косые взгляды, через собственное прошлое. Я больше не была той девочкой, которую увели из зала суда. Я была женщиной, которая построила себя заново из обломков.

Глава 1

Татьяна

Ночь пульсировала в ритме неона. Запах жжёной резины, терпкого табачного дыма и дешёвого адреналина, который пропитал воздух насквозь. Под мостом оглушительно ревели басы, перекрывая крики фанатов и рёв мощных движков. Я сидела в салоне своей чёрной BMW, чувствуя, как машина вибрирует в такт моему собственному сердцу. Мы были одним целым: я и этот кусок металла, летящий по ночному шоссе.

Финишная черта была уже близко, но один из гонщиков вцепился в мой хвост, как голодный пёс. Настырный, зараза. Я видела в зеркало заднего вида свет его фар — он не собирался сдаваться. На крутом повороте я рискнула: прибавила газу там, где нормальные люди сбрасывают скорость. Машину жёстко занесло. На секунду показалось, что я дам ему фору, но он зря надеется. Резко крутанув руль, я выровняла BMW и рванула со всей дури, используя занос как скорость. Я обошла его в сантиметрах, чувствуя кожей, как обжигающий воздух между нашими машинами стонет от напряжения.

Я пролетела финишную черту на такой скорости, что едва не снесла девчонку в вызывающе короткой юбке, которая размахивала финишными флажками. Она отскочила, а толпа буквально взорвалась.

— Кобра! Кобра! Кобра! — скандировали сотни глоток.

Я не спешила выходить. Наблюдала через лобовое стекло, как парень, пришедший вторым, выскочил из своего авто и в бешенстве пинал колёса, что-то выкрикивая в пустоту. Медленно открыв дверь, я спрыгнула на асфальт. Одним прыжком я запрыгнула на капот своей машины и только тогда, под оглушительный свист, потянула шлем вверх.

Чёрные волосы, примятые подкладкой, рассыпались по плечам, а длинная коса тяжёлым жгутом скользнула по спине. Я положила шлем на капот и свысока посмотрела на своего конкурента.

К машине подошёл Цезарь — организатор этих гонок. Ему было за тридцать, лицо в шрамах, взгляд бешеного пса. Он молча протянул мне увесистую пачку купюр. Я пролистала её большим пальцем, проверяя на ощупь — никакой фальши, только честный заработок. Кивнула ему.

Спрыгнув с капота, я оставила шлем лежать на машине и неспешной походкой подошла к парню. Тот сидел на корточках, обхватив голову руками, проклиная всё на свете. Я посмотрела на него сверху вниз, и на губах сама собой заиграла дерзкая усмешка. Достав из пачки тысячную купюру, я медленно положила её на асфальт прямо перед его ногами.

— Не грусти, купи себе мороженку, — сказала я.

Развернувшись, я пошла обратно, слыша за спиной его яростные проклятья. Я остановилась у водительской двери, сунула выигрыш в карман чёрных джинсов и обернулась к трибунам. Толпа всё ещё кричала мою кличку.

Я вскинула обе руки, показывая им «факи», но тут же соединила пальцы в изящное сердечко. Слегка надув губы, я кокетливо подмигнула фанатам. Зрители взвыли от восторга. Улыбнувшись им на прощание, я снова надела шлем, скрывая лицо за тёмным визором.

Прыгнув в салон, я махнула Цезарю и рванула с места, оставляя после себя только облако дыма и запах палёной резины. Домой. Срочно домой. Как ни крути, завтра понедельник, университет и работа, а я ещё даже не ложилась. Нужно срочно исправлять этот досадный недочёт.

Рассвет только начинал пробиваться сквозь занавески. Шесть утра — то самое время, когда город ещё не успел превратиться в гудящий улей, и в квартире царила сонная, уютная тишина. Аделин, моя маленькая непоседа, уже всю крутилась на кухне, то и дело заглядывая в кастрюлю. Она с нетерпением ждала, когда же наконец будет готов её любимый суп.

Пока я стояла у плиты на одной ноге, словно цапля, Аделин подошла и крепко обняла меня за талию. Она прижалась щекой к моему бедру, не сводя глаз с миски, в которой булькал суп.

— В школу рюкзак собрала? — спросила я, помешивая и ласково поглаживая племяшку по каштановым волосам, которые сегодня были уложены в аккуратный пучок.

— Собрала... Тань, я есть хочу-у-у, — проныла Аделин, уткнувшись носом в край моей футболки.

— Потерпи, скоро приготовится, — ответила я, легонько потеревив её по голове, и снова сосредоточилась на плите, дожидаясь, пока суп окончательно закипит.

Утро пролетело стремительно. Мы быстро позавтракали, я собрала Аделин, и мы вышли из дома. Проводив её до дверей школы, я развернулась в сторону университета. Идти было совсем недолго, так что я по привычке нацепила наушники и поправила рюкзак, который небрежно болтался на одном плече.

Сунув руку в карман джинсов, я нащупала телефон и включила «Карнавал» — первую песню в моём плейлисте. Музыка ударила по ушам плотным басом, и я зашагала по тротуару, чеканя каждый шаг.

В голове крутились мысли о предстоящем дне. Сегодня меня определённо ждёт «тёплый» приём на классном часу. Кураторша явно захочет отчитать меня за случай на прошлой неделе. Видите ли, я «огрызалась» со старым хрыщом-преподом. Хотя на самом деле я всего лишь вежливо — ну, почти вежливо — указала ему на его место. Нечего было совать свой любопытный нос в мои дела и пытаться читать нотации при всей группе.

Я глубоко вздохнула и тряхнула головой, отгоняя лишние мысли. Пусть пробует меня унижить, пусть читает морали. Я прекрасно знала, что у этого старика ничего не выйдет.

— Танька-а-а! — этот звонкий голос я узнала бы из тысячи.

Я обернулась и увидела Марго. Она бежала ко мне, сверкая своими светлыми волосами, которые мягкой волной рассыпались по плечам. Марго была танцовщицей в клубе, где я работала. Я остановилась, с улыбкой наблюдая за её попытками догнать меня.

— Сейчас... дай отдышаться! — выдохнула Марго, добежав и упершись руками в колени. Её серые глаза на мгновение скрылись за упавшими на лоб прядями.

Спустя секунду она резко вскинула голову, откидывая волосы назад, и её азиатское лицо озарила привычная лукавая улыбка.

— В универ топаешь?

— Ну да, куда же ещё в такую рань, — я выключила музыку и спрятала кейс с наушниками в рюкзак.

— О, я с тобой! Мне там с Эдиком надо пересечься. Пошли вместе?

Я кивнула, и мы зашагали в сторону университета. Пока мы шли, Марго успела вывалить на меня десяток историй из своей жизни. Несмотря на то, что она была старше меня на три года, мы сблизилась удивительно быстро. Когда я призналась ей о своём прошлом, Марго лишь пожала плечами — её это ни капли не смутило. Наверное, поэтому мы и дружили так, будто знали друг друга вечность.

У ворот университета Марго заприметила Эдика и с визгом кинулась ему на шею. Не желая мешать их нежностям, я попрощалась с ней и вошла во внутренний двор. Здание из красного кирпича выглядело величественно — элитный университет, где знания считались залогом успеха, а репутация стоила дороже золота.

Стоило мне пройти мимо вахты, как я услышала голос, который заставил меня внутренне напрячься. Я обернулась, сохраняя на лице маску абсолютного спокойствия.

— Здравствуй, Татьяна. Как отдохнула? — Ольга Борисовна, наша кураторша, смотрела на меня строго, но в её тоне сквозила странная сдержанность.

— Отлично, — я не удержалась от иронии. — Весь день и всю ночь ничего не делала. А вы как?

— А я вот, Таня, не отдохнула. И знаешь почему? Потому что все выходные я провела за перепиской с преподавателем, стараясь заглядить твою вину.

Ольга Борисовна прожигала меня взглядом, будто я была её личным врагом.

— Низкий вам поклон, Ольга Борисовна, — дерзко ответила я, поправляя рюкзак. — Вот только передайте преподу: если он ещё хоть раз заикнётся в сторону моей личной жизни, я разнесу этот чёртов класс.

Не дожидаясь ответа, я развернулась и пошла по коридору. Студенты уже начали стягиваться на общую линейку. Поздоровавшись с парой подруг, я нашла свободный участок стены, прислонилась к ней спиной и медленно сползла на корточки, уткнувшись в телефон.

Новости были стандартными: убийство, похищение. «Боже, за что им вообще деньги платят?» — подумала я с горечью. — «Наверняка сидят в кабинетах, жопы протирают».

— Татьяна, встань, — из виртуального мира меня вырвал голос Ольги Борисовны. — Сейчас будет звонок.

Я нехотя поднялась, пряча руки в карманы брюк, но всё равно продолжала опираться спиной на стену. Кураторша кивнула мне и встала в первую шеренгу студентов, которые уже выравнивались по линейке.

В центр вышел заместитель директора. Он поправил галстук и обвёл зал тяжелым взглядом.

— Здравствуйте, студенты. Хотелось бы начать учебную неделю с чего-то позитивного, но новости у нас плохие, — его голос разносился по холлу, заставляя всех замолчать. — Один из наших студентов старшего курса попал в больницу с многочисленными переломами. Это результат драки между группировками. Если кто-то из вас располагает информацией — немедленно сообщите куратору или в полицию.

По рядам мгновенно пронёсся приглушённый шепот. Сонная атмосфера улетучилась, сменившись азартным любопытством. Студенты с интригой обсуждали «жареную» новость, пока я стояла у стены, чувствуя, как внутри нарастает странное, нехорошее предчувствие.

Я поспешно достала телефон, пальцы нервно пробежали по экрану. Написав Аделине короткое сообщение, я пыталась убедить себя, что с ней всё в порядке. Ответа, конечно, не последовало — она, должно быть, уже на линейке, а телефон, как обычно, забыла в классе. В голове тут же созрел план: надо бы её порадовать, купить новый телефон. Этот, что у неё

сейчас, был весь в трещинах, будто после падения с десятого этажа. Новый куплю, а старый почию и положу в коробочку — будет запасным.

Выдохнув, я ещё немного постояла, прислушиваясь к гулу новостей заместителя директора, но сообщения от Аделины так и не пришло. Не дождавшись, я сунула телефон обратно в карман и продолжила слушать скучный отчёт.

После линейки толпа студентов, гудя, как рой потревоженных пчёл, потянулась по коридорам на классный час. Я проследовала за ними, заняв свою привычную парту рядом с подругой. Лениво бросила рюкзак на стол, снова достала телефон и погрузилась в бесконечную ленту рекомендаций TikTok. Класс, пока не было кураторши, жил своей жизнью: кто-то швырялся скомканными бумажками, кто-то гонялся друг за другом между рядами, а кто-то бурно, с жаром, обсуждал только что услышанные на линейке новости.

Шум не утих даже когда в класс вошла Ольга Борисовна. За ней, словно тень, вошёл темноволосый парень.

— Тишина в классе! Сели на свои места! — голос Ольги Борисовны пронзил гул, заставив всех вздрогнуть.

Она подошла к своему столу, а новенький так и застыл в дверях, не решаясь шагнуть дальше. Класс, всё ещё шумный, но уже с неохотой и вздохами, начал рассаживаться. Я подняла глаза и взглянула на него. Высокий, стройный, с идеально уложенными волосами и явно отглаженной рубашкой. Типичный красавчик, эталон красоты, который явно тратит на свою внешность не меньше часа в день.

— Новенький, представьтесь, пожалуйста, классу, — с лёгкой, почти приторной улыбкой сказала Ольга Борисовна, садясь за стол.

— Меня зовут... — начал новенький, и тут мой телефон завибрировал. Звонил Эдик.

Я не сдержала улыбки. Ответила на звонок, приложив телефон к уху. Некоторые одноклассники посмеивались, другие смотрели с интересом. Я же, демонстративно, откинулась на спинку стула, ловя на себе взгляд Ольги Борисовны, которая уже начинала злиться. И, чтобы добавить масла в огонь, нагло уставилась на новенького, который, похоже, никак не ожидал такой дерзости.

— Окей, в двадцать два ноль-ноль буду на месте, — ответила я Эдику, не отрывая взгляда от новенького. В последний момент я подмигнула ему, и он тут же покраснел как помидор, быстро отводя глаза.

— Татьяна! Все разговоры — на перемене! Либо ты сейчас выходишь из класса, либо отключаешь свой телефон! — Ольга Борисовна была по-настоящему зла.

Но прерывать разговор я не собиралась. Я встала, накинула рюкзак на спину и, обняв подругу на прощание, направилась к выходу. Проходя мимо того места, где стоял новенький, я замедлилась, всё так же держа телефон у уха. Несколько секунд я пялилась ему прямо в глаза, наслаждаясь его смущением, а потом вышла из класса, демонстративно захлопнув за собой дверь.

Однако я не ушла. Дождавшись, когда Эдик закончит разговор, я заблокировала телефон и сунула его в карман. Прильнув ухом к двери, я услышала, как Ольга Борисовна глубоко выдохнула и снова попросила новенького представиться. Как только он начал говорить, я распахнула дверь и просунула в щель голову так, что моя коса упала со спины и теперь болталась в воздухе.

— Народ, я в буфет! Кому что купить? Только бабки скидывайте заранее! — весело произнесла я, слегка посмеиваясь.

По классу тут же пронёсся смешок. Новенький уже не смущался — он смотрел на меня со злостью, в его глазах полыхал холодный огонек ярости.

— Татьяна, закрой дверь! — крикнула Ольга Борисовна, стукнув ручкой по столу, чтобы унять смех.

— Зачем? — я нахально улыбнулась. — В классе такая духота, а вы сидите, паритесь. Зато в коридоре прохладно, прямо кайф.

— Да ты достала меня! — возмутился новенький, сжимая лямку рюкзака. На его смуглой руке выступили вены.

— Да ты что, правда, что ли? — я чуть ли не давилась от смеха вместе с группой, которая уже всю хохотала в полный голос. — Тебе что-то купить в буфете?

Взглянув на кураторшу, я улыбнулась ей напоследок и нырнула обратно в коридор, закрыв за собой дверь. Не успела я отпрянуть, как меня резко развернули и прижали к стене. Чёртов Илья! Как же он меня бесит!

— Привет, — произнёс он, оперевшись руками о стену, переграждая мне путь. — Снова кошмаришь преподавателя?

— Хочешь, и тебя покошмарю? — ответила я недовольно, глядя ему прямо в глаза.

— Я буду только рад, — Илья улыбнулся и осторожно коснулся моей щеки.

Это было последней каплей. Не раздумывая, я ударила коленом между его ног. Илья согнулся пополам, задыхаясь от боли. Я оттолкнула его от себя, перекинула косу назад и сделала шаг, наблюдая, как он корчится на полу, постанывая.

— Я тебе не подружка, чтобы меня трогать, — мои слова прозвучали холодно и резко. — Ещё хоть раз посмеешь меня пальцем коснуться, я сломаю тебе этот палец.

Я вскинула голову, демонстративно развернулась и быстрым, уверенным шагом направилась в сторону буфета, оставляя недоумение и лёгкий шок позади. Сегодня явно будет насыщенный день.

Глава 2 Сергей

Дверь поддалась с трудом, словно неохотно впуская хозяина в его заброшенное владение. Как только я переступил порог, в нос ударил запах застоявшегося воздуха и старой пыли, которая плотным слоем лежала везде. Но вместо брезгливости я ощутил странный трепет. Колени подогнулись сами собой, и я буквально рухнул на пол, касаясь ладонями серых ворсинок на паркете.

— Наконец-то... — выдохнул я в пустоту. — Спустя десять лет я дома.

Эта квартира была куплена в спешке, прямо перед моим отъездом.

Я поднял голову и снял очки в тяжелой черной оправе, которые за годы стали частью моего лица. Устало провел ладонью от лба к затылку, откидывая назад густую черную шевелюру — волосы послушной волной легли назад, обнажая лицо, изменившееся за время долгой разлуки.

Мне предстояло навестить родителей. В груди шевельнулось любопытство, смешанное с легким страхом: как сильно время изменило их? Похож ли на них мой самый младший брат, которого я даже в глаза не видел? Пока я строил карьеру, родители успели обзавестись еще одним ребенком. Теперь я был официально «старшим», а мой прежний «младший» брат превратился в «среднего».

А что я? Мне двадцать восемь, и за плечами только горы дипломов, профессиональных сертификатов и бесконечные рабочие часы. В моей жизни не было места девушкам — все, с кем сводила судьба, казались мне какими-то «пустыми», не способными разделить мой фанатизм к учебе и делу.

— Какая уж тут семья в мои годы, — горько усмехнулся я сам себе, поднимаясь с пыльного пола. — Опоздал я, наверное.

Ноги немного подкашивались от усталости, и мне пришлось опереться плечом о стену, чтобы не потерять равновесие. План действий созрел мгновенно: сначала — генеральная

уборка, потом — грандиозный налет на продуктовый магазин. Я скинул тяжелую сумку в прихожей. Иронично, но за десять лет ничего не изменилось: я уезжал из родительского дома с сумкой вещей и вернулся точно так же.

— Нужно составить список, — пробормотал я, — и обязательно заглянуть в магазин одежды. Нельзя же вечно ходить в этом «старье».

Я прошел в гостиную и замер. Комната оказалась на удивление просторной и светлой, несмотря на пыль на окнах. Здесь даже стояла какая-то мебель. Свернув направо, я толкнул дверь в спальню.

Внутри меня ждал сюрприз: огромная кровать, явно рассчитанная на двоих. Она смотрелась нелепо в моей холостяцкой берлоге, но почему-то это не вызывало раздражения. В углу виднелась дверь на балкон. Я подошел ближе и заглянул за стекло.

— Ночью здесь, должно быть, просто сказка, — прошептал я, прислонившись лбом к холодному стеклу.

Постояв так минуту, впитывая тишину родного города, я решительно развернулся. Настало время стирать пыль прошлого. Найдя в кладовке старые тряпки и моющие средства, я засучил рукава и принялся за работу.

Спустя пару часов упорной борьбы с вековой пылью, я окончательно выбился из сил. Ноги налились свинцом, и я от усталости рухнул на мягкий серый диван, который отозвался едва слышным скрипом. Схватив небольшую декоративную подушку, я крепче прижал её к животу — тот уже не просто намекал на голод, а требовал своего, настойчиво урча на всю пустую квартиру.

В этот момент я отдал бы всё за тарелку простой, горячей домашней еды. Перед глазами поплыли образы дымящегося жаркого и наваристого супа, но реальность была сурова: мои кулинарные таланты ограничивались парой примитивных блюд, которые сложно было испортить. Сколько бы раз я ни пытался приручить кухонную плиту, результат всегда напоминал либо угольки, либо нечто несъедобное. Видимо, гениальность в точных науках напрочь отбила способности к поварскому искусству.

— Готовка — это явно не моё, — пробормотал я в подушку, чувствуя, как к голоду примешивается странное, почти детское желание.

Мне до безумия захотелось мороженого. Причем не просто холодного лакомства, а именно подтаявшего, которое превращается в сладкий густой крем. От этой мысли желудок снова предательски заурчал, эхом отозвавшись в тишине.

Взглянув на настенные часы, висевшие прямо над тёмным экраном телевизора, я понял, что время не ждёт. Отбросив подушку в сторону, я поднялся и, пошатываясь от усталости, пошёл в спальню. На широкой кровати уже возвышалась гора вещей.

Покопавшись в этом барахле, я выудил смартфон и пухлый кожаный бумажник. Экран телефона вспыхнул. Зайдя в банковское приложение, я равнодушно скользнул взглядом по цифрам на счету. Денег было более чем достаточно: накопленный капитал позволял мне годами не вспоминать о работе и вести жизнь обеспеченного бездельника.

Бросив телефон обратно на покрывало, я открыл бумажник. Он был туго набит купюрами. Я прекрасно понимал, что в современных супермаркетах правит безнал, но в этом городе всегда оставались места, где наличные деньги решали вопросы быстрее любых карт.

Я вытянул из бумажника хрустящую пятитысячную купюру. Тонкий листок бумаги лёг поверх смартфона, а сам кошелек отправился на пустую прикроватную тумбочку. Я мельком взглянул на полированную поверхность дерева. У большинства людей здесь стоят семейные портреты в рамках — улыбающиеся лица, застывшие мгновения счастья. У меня же не было

ни одной фотографии. Да и к чему они? Память — штука надёжная, а лишний хлам только собирает пыль.

Отыскав в куче вещей что-то приличное, я быстро переоделся. На мне теперь была темно-синяя футболка с лаконичным логотипом Adidas слева на груди и свободные чёрные штаны-оверсайз. Прихватив телефон с купюрой и связку ключей, я вышел из квартиры, заперев за собой тяжёлую дверь. Можно было бы поехать на машине, но гудящие от напряжения мышцы требовали иного — простая прогулка станет отличной разминкой перед сном и поможет немного «проветрить» голову.

Я быстро сбежал по лестнице, наслаждаясь звуком собственных шагов, и толкнул тяжёлую дверь подъезда. Но стоило мне миновать пышную цветочную клумбу, как тишину двора разрезали скрипучие голоса «местной разведки». На скамейке, словно приклеенные, сидели бабушки.

— Молодой человек! — окликнула меня одна из них, в упор рассматривая меня так, словно я был её старым должником. — А вы к кому-то приехали или вы новый жилец из тридцать второй?

Её подруга, сидевшая рядом, тут же возмущённо взмахнула руками, перебивая соседку: — Да какой же он жилец! Ты глянь на него: парень спортивный, красивый, молодой. Полюбому в гости к кому-то приехал.

Я лишь приподнял одну бровь, не совсем понимая, чего именно они от меня хотят. Скрестив руки на груди, я стоял перед ними и чувствовал себя идиотом: желудок сводило от голода, я буквально помирал, но какого-то черта застрял здесь, выслушивая эти старческие дебаты.

— И к кому же он приехал, к тебе, что ль? — язвительно сказала первая. — К тебе только смерть с косой в гости заглянет. А это новый хозяин тридцать второй квартиры, и точка!

Дальше слушать я не стал. Опустив руки, я молча развернулся и зашагал по тротуару в сторону дороги. Жизнь с такими бдительными соседками обещала быть как минимум весёлой.

Солнце светило ярко. Даже сквозь линзы очков казалось, что его лучи пытаются выжечь глаза, а лёгкий встречный ветерок обдувал меня, игриво шевеля ткань футболки. Достав телефон, я вбил в навигатор ближайший продуктовый. Обнаружив заветную точку на карте, я прибавил шагу, едва не переходя на бег — в голове пульсировала только одна мысль: «Мороженое».

Вскоре впереди показалась знакомая вывеска. Зайдя внутрь, я ощутил странное чувство дежавю. Хотя я никогда раньше не жил в этом районе и тем более не заходил в этот конкретный магазин, здесь всё казалось до боли привычным. Те же ряды, тот же запах свежего хлеба и моющих средств, разве что ассортимент стал чуть богаче с тех пор, как я уехал.

— А здесь мне начинает нравиться, — еле слышно прошептал я.

Схватив металлическую тележку, я уверенно покатил её вглубь зала, напрямик к стеллажам с крупами, решив начать закупки с чего-то основательного, прежде чем сорваться на сладкое.

Я наполнил тележку базовым набором: упаковки гречки и перловки, увесистый кусок свежего мяса, сетка картофеля, пара морковок и лук. Позже я направился к самому сокровенному отделу — длинному ряду морозильных камер.

За годы жизни за границей я перепробовал сотни видов этого лакомства, от изысканных джелато до вкуснейших десертов, но фаворитами навсегда остались классическая ваниль и освежающая мята с шоколадной крошкой. Порой я ловил себя на мысли, что в мои двадцать восемь лет такая страсть к сладкому выглядит по-детски, но тут же одергивал себя. В конце концов, я сам себе хозяин. В этой жизни мне никто не имеет права что-либо запрещать.

Отодвинув запотевшую стеклянную крышку, я выудил несколько упаковок заветного мятного мороженого.

На кассе я расплатился той самой пятитысячной купюрой и, подхватив два тяжелых пакета, зашагал к дому.

У подъезда меня ждал «второй раунд» с любопытными соседками. Бабушки, завидев меня с покупками, тут же зашевелились, готовые обрушить на меня новый шквал расспросов.

— Молодой человек, а вы надолго к нам? А родители ваши где? — донеслось со скамейки.

Я не проронил ни слова. Просто прошел мимо, сохраняя на лице маску вежливого безразличия. Я прекрасно знал: стоит ответить хотя бы на один вопрос, и я увязну в этой беседе до самой ночи, а количество их теорий о моей жизни вырастет в геометрической прогрессии.

Оказавшись в тишине своей квартиры, я быстро скинул кроссовки. Медлить не хотелось. Первым делом — мороженое. Я понимал, что безнадежно перебью себе аппетит перед нормальным ужином.

Разобрав пакеты и отправив продукты в холодильник, я почувствовал, что в комнатах стало невыносимо душно. Солнце за день раскалило стены, и воздух казался густым и неподвижным. Стянув через голову футболку, я остался в одних черных штанах — ходить совсем уж нагишом по новой квартире совесть не позволяла, но так стало заметно легче.

Вооружившись контейнером с мятно-шоколадной массой и большой ложкой, я перетащил мягкое кресло из гостиной на балкон. Устроившись поудобнее, я принялся за еду, лениво наблюдая за прохожими внизу.

Мысли плавно перетекли к будущему. С моим заграничным дипломом и престижным образованием меня с руками и ногами оторвали бы в любой крупной корпорации или юридической фирме. Огромные зарплаты, офисы из стекла и бетона, дорогие костюмы... Всё это было так доступно и так скучно.

Моя душа всегда тянулась к другому — к загадкам, логическим лабиринтам и азарту охоты за правдой. Внутри меня жил исследователь, жаждущий настоящих дел, а не бумажной волокиты в банке.

— Решено, — негромко произнес я, ощущая на языке приятный холод мяты. — Пойду в полицию. Следователем.

Глава 3 **Татьяна**

Выйдя из шумного, пропахшего свежей выпечкой буфета, я на ходу запихнула в рот остатки сосиски в тесте. Жевать пришлось быстро — время поджимало. В класс я ввалилась как раз в тот момент, когда Ольга Борисовна, наша «любимая» преподавательница, затеяла великое переселение народов, решив пересадить студентов по партам на свой вкус.

— О, перестановка? — промямлила я с набитым ртом, вальяжно прислонившись плечом к дверному косяку. — Пожалуй, я побуду зрителем, это зрелище явно интереснее, чем участие в нём.

Ольга Борисовна замерла, и её взгляд, острый, как скальпель, впился в меня.

— Татьяна, быстро за первую парту. Одна! — отчеканила она, указывая на место прямо под своим носом. — Чтобы я ни единого слова от тебя не слышала. Если увижу, что ты к кому-то подседа, пеняй на себя — вызову мать или кто там у тебя в семье за главного.

Я проглотила последний кусок и театрально вздохнула, обводя аудиторию взглядом.

— Ну, во-первых, моей маме на меня плевать так же искренне, как и мне на её мнение. А во-вторых... — я обернулась к одноклассникам, которые уже начали посмеиваться. — Народ, вы только посмотрите на эту любовь! Она так боится моего влияния, что обрекает меня на

одиночество. С таким подходом я же ни парня себе не найду, ни замуж не выйду. У меня никогда не будет детей и даже котика!

Класс взорвался хохотом. Но Ольга Борисовна не смеялась. Она подошла почти вплотную, и в её глазах промелькнуло нечто пугающее и злобное.

— У тебя и так и эдак семьи не будет, — прошипела она так тихо, что слова предназначались только моим ушам. — Кому нужна невестка, отбывшая срок по тридцать седьмой статье? Да ещё и с каким-то ребёнком на руках, который тебе даже не родня...

В груди на мгновение кольнуло, но я не отвела взгляда. Напротив, я медленно положила ладонь ей на плечо и посмотрела прямо в зрачки, в которых отражалось её собственное высокомерие.

— Знаете, Ольга Борисовна, разъярённой вы мне нравитесь гораздо больше, — я чуть склонила голову набок. — А что касается Адельки — она моя племянница. И живёт со мной временно, пока её родители разгребают завалы в своей квартире после ремонта. Так что поаккуратнее с выводами.

Я ощутило сжала её плечо. Пальцы впились в мягкую ткань жакета, и я заметила, как преподавательница прикусила губу, а по её телу прошла мелкая дрожь. Я нагло, почти хищно улыбнулась.

— Даже если за моими плечами есть прошлое, на этом моя жизнь не закончится. И запомните раз и навсегда...

Моя хватка стала стальной. Ольга Борисовна невольно подогнула колени, едва не оседая на пол под тяжестью моей руки и того давления, что исходило от меня в этот миг. Я приблизилась к самому её уху, обжигая шепотом:

— Я повидала в этой жизни больше, чем все ваши отличники вместе взятые, и знаю о людях побольше вашего.

Улыбнувшись напоследок, я резко разжала пальцы. Оставив ошеломлённую женщину приходить в себя, я направилась в глубь класса к своей подруге. Рядом с ней уже пристроился какой-то «ноунейм», испуганно вжимавшийся в стул. Не говоря ни слова, я просто выкинула парня с моего законного места и буквально смахнула его тетрадки с парты.

Усевшись с видом хозяйки положения, я начала демонстративно и сосредоточенно раскладывать свои принадлежности. В аудитории стало непривычно тихо — все наблюдали за нашей «училкой», которая молча опустила на свой стул и долго, неподвижно смотрела в одну точку на полу, бледная как полотно.

— Что ты ей такого нашептала, что она позеленела? — шепнула подруга, не сводя пронзительного взгляда с Ольги Борисовны.

— Ничего особенного, — отозвалась я, даже не повернув головы. — Всего лишь пара ласковых слов для профилактики.

— Ты ненормальная, Тань.

— Я знаю, — я наконец посмотрела на подругу и широко, искренне улыбнулась. — И мне это чертовски нравится.

Где-то на середине пары мой телефон, припрятанный под тетрадкой, глухо вибрировал. Пришло сообщение от тёти Вики — мамы Адельки.

«Спасибо тебе, Танюшка, что присмотрела за мелкой. Ты нас очень выручила!»

Я едва заметно усмехнулась и, быстро постукивая по экрану, набрала ответ: «Без проблем, но учти — я не нянька». Заблокировав гаджет, я с наслаждением откинулась на жёсткую спинку стула. Детей я, в общем-то, любила, но превращаться в бесплатную прислугу, пока тётя Вика с дядей Лёшей пропадают бог знает где, в мои планы точно не входит.

— Проблемы? — шёпотом спросила Катюшка, моя лучшая подруга. В это время преподавал монотонно «базарил» о чём-то невероятно скучном, выводя мелом на доске замысловатые формулы.

— Не-а, — отозвалась я с лёгкой улыбкой. Катя поправила выбивавшуюся из пучка каштановую прядь и внимательно на меня посмотрела.

— Ясно. Слушай, может, после пар прогуляемся? Я тебя до самого дома провожу, — предложила она, кокетливо накручивая локон на палец.

— Ого, у меня теперь есть личный телохранитель, которому даже бабки платить не надо? — съязвила я в полголоса и потянулась, закинув руки за голову. Мои движения не остались незамеченными. Преподаватель тут же прервал свою лекцию и недовольно обернулся.

— Лукина! Вы на пары приходите грызть гранит науки или чесать языком?

— Учиться, конечно, — невозмутимо ответила я.

— Так вот и учитесь, а не страдайте ерундой! — буркнул он и снова заскрипел мелом, возобновляя свой рассказ.

— Я тебе не телохранитель... — прошипела Катя, обиженно скрестив руки на груди.

— Ты моя подруга, знаю-знаю, — я примирительно кивнула. — Кстати, а где наш новенький пристроился? Что-то я его в этой толпе потеряла.

— Не знаю, может, забился куда-то на передние ряды?

— Всё может быть... — пробормотала я, сканируя затылки одногруппников. Не обнаружив искомого объекта, я нехотя открыла тетрадь и принялась механически записывать конспект.

Терпения моего хватило ровно до перемены. Как только прозвенел звонок, я вырвала из середины тетради листок, скомкала его в тугой шарик и запустила в Марину, сидевшую через две парты впереди. Целилась в спину, но снаряд, по закону подлости, угодил ей прямо в затылок.

— Лукина! Совсем ахренела? — Марина резко развернулась, её короткие волосы эффектно взметнулись.

— Сорян, Мариш, промашка вышла. Слушай, не знаешь, где новенький ныкается?

— А тебе зачем? — Марина тут же расплылась в ехидной улыбке. — Неужели понравился?

— Ага, прямо влюбилась с первого взгляда, — буркнула я. — Так где он?

— Вон там, прямо перед носом у препода сидит.

Кивнув, я поднялась с места.

— Смотри, не переборщи с ним, — бросила мне вслед Катюшка, дерзко улыбаясь.

— Постараюсь, — отозвалась я и направилась к первой парте.

Новенький действительно сидел там, сосредоточенно копаясь в своих записях. Я бесцеремонно отодвинула кресло, уселась и сложила руки перед собой, приняв вид прилежной ученицы.

— Ну, привет, сногшибательный... как там тебя? — спросила я деловито, в упор рассматривая парня. Он поднял на меня взгляд, в котором читалось явное подозрение — смотрел на меня как на душевнобольную.

— Чё надо? — грубо отозвался он. Голос у него был недовольный и резкий.

— Как грубо... Я к тебе со всей душой, по-доброму, а ты... — я притворно вздохнула. — Каюсь, перебила тебя в начале дня, позволь наладить контакт.

— Женей меня звать, — прошипел он, и в его глазах вспыхнула неприязнь.

— Евгений, значит, — я хищно улыбнулась, уже представляя, как этот парень в воскресенье спустит на меня все свои карманные деньги. — Не хочешь составить мне компанию? Сходим на гонки, посмотрим на красивые машины...

— На гонки? На какие ещё гонки? — в голосе Жени проснулся живой интерес. Я сделала ему знак приблизиться и, когда он наклонился, прошептала почти в самые губы:

— Нелегальные... В это воскресенье, в семь вечера, заброшенный завод на окраине...

Я резко отпрянула, наслаждаясь произведенным эффектом. У Жени зрачки расширились так сильно, что его зеленых глаз почти не стало видно.

— Нелегальные гонки... — едва слышно повторил он, пялясь на меня, будто я только что предложила ему ограбить банк.

— Тш-ш-ш... Именно. Если надумаешь — Катя тоже собирается, можешь к ней присоединиться. Будет жарко.

— Я подумаю... — пробормотал он, всё ещё пребывая в легком шоке от услышанного.

— Вот и думай, Женечка. Время пошло, — я одарила его напоследок многозначительным взглядом, поднялась и направилась к своей парте. По пути я незаметно для него, но вполне отчётливо для подруги, победно сжала кулак.

— Ну что, купился? — тут же зашептала Катюшка, как только я приземлилась на своё место.

— А то, — я вальяжно откинулась на спинку стула и скрестила руки на затылке. Тонкая чёрная кофта при этом немного задралась, оголяя полоску кожи, но меня это мало волновало. — Заглотил наживку вместе с крючком. Теперь никуда не денется.

— Ты абсолютно ненормальная, Тань, и я не устану это повторять, — Катя покачала головой, в её глазах читалось искреннее беспокойство. — Тебе не страшно? Вдруг он «засланный казачок» или просто испугается и сдаст нас ментам?

— Не сдаст, — отрезала я, сузив глаза. — А если и попытается, то пойдёт прицепом как соучастник. Я его так в процесс втяну, что чистосердечное ему не поможет. Заодно и проверим, что он из себя представляет — мужик он или так, декорация.

— Лукина... — раздался вкрадчивый шёпот с заднего ряда.

Я нехотя убрала руки с затылка, одним резким движением перебросила тяжёлую чёрную косу со спины на грудь и обернулась. Позади сидел Кирилл, местный любитель быть в курсе всех подпольных движений.

— Чего тебе ещё? — буркнула я, смерив одноклассника холодным взглядом.

— Опять очередного простака на бабки разводишь? — Кирилл расплылся в ехидной улыбке, подавшись всем телом вперед, к нашей парте.

— Никого я не развожу, — я пожала плечами, сохраняя полную невозмутимость. — У него есть выбор. Если у парня хватит мозгов поставить на меня — считай, он в выигрыше и при деньгах. А если нет... ну, значит, он полный лох. А лохов, как известно, жизнь всегда учит через кошелёк.

— Классно живёшь, Лукина, — протянул Кирилл, мечтательно глядя в потолок и качаясь на стуле. — Тюрьма за плечами, престижный универ, тачка под окнами и лохи, которые сами несут тебе бабки... Мне бы такую жизнь, честное слово.

— Я тебе дам «такую жизнь»! Ишь, чего удумал, романтик недоделанный! — Лиза, его девушка, не выдержала и отвесила Кириллу такой звучный подзатыльник, что бедолага едва не впечатался лбом в полированную поверхность парты.

Мы с Катей не выдержали и рассмеялись. Зрелище было эпичным: Кирилл, потирая ушибленный затылок, выглядел как побитый щенок.

— Лизунь, ну ты чего... — начал было он оправдываться, но стоило ему наткнуться на яростный взгляд своей пассии, как он виновато прикусил губу и мгновенно замолчал, втянув голову в плечи.

— Хочешь как Таня жить?! С огнём играть вздумал? — Лиза возмущалась всё сильнее, её щёки залил румянец.

Я лениво опустила подбородок на скрещенные руки, лежавшие на спинке стула, и с плохо скрываемым превосходством наблюдала за этой семейной драмой. На моих губах играла дерзкая усмешка.

— А что? Кирилл прав, у меня не жизнь, а сказка, — мой голос прозвучал бархатисто и вкрадчиво. — Весёлая такая сказка, с лёгким привкусом криминала. В серьёзные конторы меня, конечно, из-за статьи не берут, зато в ночном клубе отстёгивают столько бабла, что нашим университетским преподам и за год не заработать. Гоняю на «игрушке», которую папа подогнал, живу в шикарной квартире, словно принцесса в замке... Так что, Лиз, не души парня, дай ему свободу. Глядишь, года через два — а может и раньше — будете жить богато и припеваючи. Если, конечно, его раньше не закроют.

Я не выдержала и звонко рассмеялась, глядя на их ошарашенные лица. Но мой смех оборвал резкий, скрипучий голос, раздавшийся прямо над ухом.

— Смеётесь, Лукина? — Это был Константин Викторович, наш историк, которому я имела неосторожность нахамить на прошлой лекции.

Я медленно, с кошачьей грацией повернула голову. Обвела его небрежным взглядом с ног до головы — от стоптанных туфель до редющих волос — и, не переставая улыбаться, произнесла:

— Ну да. А вы что, тоже хотите в долю? Или просто завидуете чужому успеху?

— Было бы чему завидовать, — процедил он, краснея от злости.

— Ой, Константин Викторович, ну что же вы так... Вот знаете, в древние века, задолго до нашей эры, чтобы заполучить внимание красивой девушки, мужчина должен был совершить подвиг. А вы так некультурно и неуважительно перебиваете меня, отнимая у меня свободное время. Ай-яй-яй, как же вам не стыдно? — Я говорила легко, чеканя каждое слово. За этот острый язык на зоне меня и прозвали Коброй — стоило мне открыть рот, как «яд» начинал капать прямо на больное место.

— Умно, Лукина, очень умно, — историк выпятил свою челюсть, пытаясь выглядеть грозно. — Вот только перед тем, как я начну пару, не хочешь извиниться за своё огрызательство?

Он замер, приняв величественную позу, будто я действительно была ему что-то должна. Ну уж нет, старый хрыщ, сейчас ты у меня попляшешь.

Я медленно поднялась из-за парты. Мой рост — уверенные сто семьдесят три сантиметра плюс прямая, закалённая трудностями осанка. Историк на моём фоне казался комичным: ростом едва ли сто шестьдесят пять, с заметным пивным животиком и короткими ручками. Я гордо задрала подбородок, глядя на него сверху вниз. В моих карих глазах заплясало опасное пламя. Рядом со мной он выглядел как надутый шкет, который явно забыл, с кем связался.

— Никак нет, — отчеканила я, вкладывая в голос максимум наглости. — Я вам ничего не обязана и тем более не должна. Впредь советую трижды подумать, прежде чем выбирать тон для разговора со мной.

Я дерзила в открытую, наслаждаясь тем, как лицо старика наливается багровым цветом.

— Как ты смеешь!.. — задохнулся от возмущения историк.

— Что «я»? — переспросила я, наигранно-невинно заглядывая ему прямо в зрачки.

Он не выдержал моего прямого, тяжёлого взгляда и первым отвёл глаза в сторону, что-то неразборчиво пробормотав.

— Ничего... — прошипел старик и, спотыкаясь между рядами, почти побежал к своему столу.

Я едва сдержалась, чтобы не расхохотаться ему в спину. Победно улыбнувшись притихшей аудитории, я по-королевски села на своё место. В этот момент я чувствовала себя абсолютно всесильной.

Глава 4

Сергей

Настройка новенького ноутбука заняла не больше получаса, и первым делом я решил позвонить родителям. Раньше нашей единственной нитью связи были бумажные письма, которые то и дело терялись в пути, а телефонные звонки обрывались на полуслове из-за капризов международной связи. Про интернет и говорить не стоило — там, где я пропал последние годы, он был роскошью. Теперь же, наконец-то вернувшись, я жаждал увидеть их лица.

Экран мигнул, и появилось лицо матери. Её глаза тут же наполнились слезами.

— Боже мой, Серёжа! Как ты вырос, как возмужал! — воскликнула она, прижимая ладонь к губам.

Я невольно улыбнулся, откинулся на спинку дивана и привычным жестом откинул назад отросшие волосы, которые мягкой волной рассыпались по плечам.

— Я знаю, мам. Как вы там? Как отец, как братья?

— Ой, всё хорошо, сынок. Отец твой по-прежнему в делах, депутатство покоя не даёт, всё за город вкалывает. Женечка — молодец, работает и учиться успевает. А Лёничка уже во второй класс пошёл, совсем большой стал. Всё про тебя спрашивает, познакомиться мечтает, он же тебя только по старым фотографиям знает. Серёж, ну когда ты уже вернёшься? Может, хватит уже по границам мотаться?

Мама всхлипнула, но тут же поспешно вытерла слёзы и убрала прядь чёрных волос за ухо, стараясь казаться бодрой.

— Мам, я уже дома. Только у себя дома. Не переживай, со мной всё в порядке.

— Дома?.. — она замерла, непонимающе глядя в камеру. — Ты уже в городе? Что же ты к нам не заехал сразу? Милый, что это за комната... Ты где сейчас?

— Мам, я в своей квартире. Купил её ещё перед самым отъездом, — я старался говорить максимально спокойно и ровно. — Район благополучный, соседи тихие. Завтра вот пойду на работу устраиваться.

Мама смотрела на меня с этой вечной тревогой, которая не исчезла, даже когда я стал взрослым. Оно и понятно: в школьные годы я был тем ещё подарком. Взрывал кабинеты петардами, дрался до разбитых костяшек, прогуливал уроки неделями... Настоящее стихийное бедствие. Сразу после школы я улетел за границу: учёба, потом армия, потом работа. Десять лет жизни в жёстком ритме, которые выковали из проблемного подростка того, кто сидит сейчас перед монитором.

— Как же я рада, сынок... Но ты хоть в гости заглядывай, — она немного успокоилась.

Я помедлил, чувствуя, как внутри нарастает напряжение. Был один вопрос, который мучил меня все эти годы. Вопрос, ради которого я, возможно, и стремился назад с таким рвением.

— Мам, скажи... а Лукина Татьяна всё ещё живёт в нашем городе? Я хотел бы с ней встретиться.

Мама вдруг осеклась. Улыбка медленно сползла с её лица, сменившись выражением какой-то болезненной неловкости.

— Сынок... ты разве не знаешь?

— Не знаю о чём? — сердце болезненно ёкнуло.

Я помнил Таню ещё со школы. Хрупкая, вечно одинокая, она была самой красивой девочкой, которую я когда-либо видел. Она затмевала собой даже признанных школьных красавиц, но никогда не пользовалась своей популярностью. Наоборот — старалась быть невидимой. Несмотря на нашу разницу в семь лет, Таня тенью следовала за мной. Моя маленькая стал-

керша. Она караулила меня после школы, прячась за углами; сбегала с уроков, чтобы постоять под окнами медпункта и убедиться, что со мной всё хорошо.

Я скрывал свои чувства от всех: от родителей, от друзей, от самой жизни. Тогда это казалось правильным: мне восемнадцать, ей одиннадцать — это было безумием. Я думал, что за границей всё пройдёт, выветрится из головы. Но десять лет спустя я понимал: каждый чёртов день я думал о ней. И плевать на разницу в возрасте — сейчас мы оба взрослые люди. Я хотел найти её и заявить свои права. Она должна была быть моей. И точка.

— В тюрьме она, Серёжа... За убийство сидит, — прошептала мама, опуская взгляд.

Мир вокруг меня словно замер. Звуки города за окном смолкли, а сердце на мгновение перестало биться.

— Убийство? Мам, что ты такое говоришь?! — мой голос сорвался на рык. — Таня не могла этого сделать! Я знал её пять лет, она и мухи не обидела бы! Какое, к черту, убийство?

— Успокойся, сыночек, — мама снова нацепила свою мягкую, почти жалостливую улыбку, будто речь шла о какой-то досадной мелочи. — Какое тебе дело до этой девушки? То, что вы учились в одной школе, ничего не значит. У нас в городе полно других: красавиц, умниц, из хороших семей... Зачем тебе вдруг понадобилась эта преступница?

Мама говорила о ней как о пустом месте, как о пятне на репутации города. Но для меня она не была пустотой. Ни одна женщина в мире не смотрела на меня так, как эта «маленькая сталкерша». Никто не был так предан мне, даже не имея на то права.

Я сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость. Мама не понимала главного: я вернулся не просто домой. Я вернулся за ней. И если ради этого мне придется вытащить её из самого ада — я это сделаю.

— Расскажи, что случилось, — мой голос прозвучал жестко, не оставляя места для отговорок.

Мама вздохнула, словно ей было тяжело вспоминать.

— Насколько я знаю, от знакомых и по слухам, девочка собиралась поехать к отцу в деревню на лето. Хотела там спокойно подготовиться к вступительным экзаменам, знаешь, в тишине и покое. Но по дороге на вокзал... на нее напали двое. Хотели изнасиловать, — её голос дрогнул, и я сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони. — Одного она убила, а второй сбежал. Девочка сразу сдалась полиции, не стала убегать, прятаться... Потом её осудили, вроде как по ста восьмой статье, части первой. И вот уже как три года — ни слуху, ни духу.

— Ясно. Спасибо, мам, — прошептал я.

Я опустил взгляд, потом посмотрел в окно. В многоэтажке напротив, в одной из квартир, зажегся свет. По комнате ходила девушка, её силуэт был едва различим в темноте, но она была там. Живая. Свободная. По моей щеке скатилась одинокая слеза. Я машинально вытер ее, не слушая дальнейшие слова матери, и резко захлопнув крышку ноутбука, откинулся на спинку дивана и закрыл лицо руками.

Таня. Моя маленькая, хрупкая сталкерша, убила человека, защищая себя. Ценой собственной свободы. Чёрт, где был я?! Почему не я был рядом, чтобы защитить её? Почему я, как последний урод, болтался за границей, батрачил на чужую страну, вместо того чтобы вернуться сразу после армии?

Мне стало невыносимо плохо. Поднявшись на ватных ногах, я чуть не упал, но всё же доплелся до кухни. Налил стакан воды и залпом выпил, но это не помогло. Сердце болело так адски, что хотелось выть от боли, свернуться клубком и забиться в самый тёмный угол.

Я прошел в спальню, накинул на себя кофту, не застегивая её, и вышел на балкон. Луна сияла, усыпанная яркими звездами, безразличная к моей боли.

Мысль о том, что Таня кого-то убила, не давала покоя. А второй нападавший... Он по-прежнему разгуливает на свободе. Нужно его срочно разыскать и посадить за решётку, отомстить за Таню. За ту, которую я любил и всегда буду любить.

Глава 5 Татьяна

Вернувшись домой, я заставила себя разогнать туман в голове и заняться делами. Уборка, нехитрая готовка — всё это помогало не думать о тяжёлом прошедшем дне. А теперь я сидела, сгорбившись над учебниками, и пыталась над заданиями, как столетняя бабка.

Признаться честно, смешивать коктейли и разливать виски у меня получалось в сто раз виртуознее, чем шелкать эти нудные задачки. Но, как ни странно, в моей голове всё-таки что-то варилось: я умудрилась не просто закончить школу, но и поступить в университет на бюджет. Это здорово облегчало жизнь, хотя, если быть честной, бабла у меня и так было достаточно. Но статус «бюджетницы» давал какую-то надежду на то, что я ещё не окончательно запуталась в своей двойной жизни.

За окном сгущались синие сумерки. Посмотрев на часы, я поняла, что поспать перед сменой уже не судьба. Значит, выживать будем на кофеине.

На кухне я привычными движениями заварила крепкий кофе. Терпкий аромат мгновенно заполнил пространство, вытесняя запах скучных учебников. Я плеснула в чашку немного молока и добавила ложку сиропа со вкусом ириса — моё маленькое блаженство.

Выключив свет, я вернулась в спальню, но за стол садиться не стала. Мозгам требовалась перезагрузка. Я толкнула балконную дверь и вышла навстречу прохладному вечернему воздуху. Поставив чашку на маленький кованный столик, я зажмурилась, подставляя лицо ветру. Он бесцеремонно путал мои волосы, охлаждал кожу, выдувая остатки дневного напряжения.

Я сделала глоток. Сладкий привкус ириса остался на губах, и я лениво облизнула их, наслаждаясь моментом. Но стоило мне открыть глаза, как расслабленность мгновенно испарилась.

На балконе напротив, всего в пяти-семи метрах от меня, стоял парень. Он был высоким и, судя по всему, любил спорт — широкие плечи и мускулистые руки, которые не скрывала даже плотная чёрная толстовка. Его стрижка была дерзкой: коротко выбритые бока и чуть отросшая макушка чёрных волос. Но больше всего цепляли глаза — пронзительно-синие, они будто светились в темноте, как далёкие звёзды.

У него были резкие скулы, прямой нос и ямочки на щеках, которые проглядывали даже в его серьёзном выражении лица. Губы казались чуть бледными, но пухлыми. Он выглядел как ожившая картинка из журнала и, в отличие от меня, оделся по погоде — в тёплую толстовку и спортивные штаны. Я же стояла в своём бордовом хоккейном лонгсливе, который едва прикрывал короткие шорты.

«Если завтра проснусь с ангиной, значит, я официально неудачница года», — подумала я, не сводя с него глаз.

Парень задумчиво смотрел на луну, словно не замечая моего присутствия, или просто делал вид. Я ещё раз взглянула на свои наручные часы — время поджимало. Небрежно развернувшись, я вошла в квартиру и плотно закрыла балконную дверь.

Красивый. С этим сложно было спорить. Впрочем, в нашем городе полно смазливых рож, и этот синеглазый вряд ли был исключением. Просто очередной сосед с хорошей генетикой.

Я задернула шторы, отсекая себя от внешнего мира, и принялась переодеваться для работы. На смену старой хоккейной кофте пришла белоснежная рубашка. Я оставила две верхние пуговицы расстёгнутыми, а рукава небрежно закатала выше локтей. Чёрные брюки, плотно облегающие бёдра, и чёрная жилетка, подчёркивающая талию.

Разгладив складки на жилетке, я придирчиво осмотрела себя в зеркале. Оставалось только собрать волосы в высокий, строгий хвост и закрепить его крабиком.

Образ был готов.

Я подхватила со стола сумочку от Gucci — изящная вещица, которая отлично дополняла мой образ приличной девушки. Внутри, по соседству с пудрой и телефоном, привычно устроились вещи куда менее легальные: ключи, складной нож и кастет. Кто-то скажет — перебор, а я называю это страховкой. Однажды этот нож уже спас меня, и пусть за самооборону мне пришлось расплатиться двумя годами свободы, я ни о чём не жалела. Просто теперь я стала в разы аккуратнее.

Повесив сумку на плечо, я щелкнула выключателем. Спальня погрузилась в темноту. В прихожей я быстро обула любимые кеды, вышла за порог и коротко повернула ключ в замке.

В лифте уже стояла какая-то старушка из нашего подъезда. Я зашла, кивнула ей и уставилась в одну точку на зеркальной панели, лениво накручивая на палец выбившуюся прядь волос. Мы спускались в абсолютном, почти осязаемом молчании.

На улице уже окончательно стемнело. Я подошла к своей машине. Сигнализация отозвалась коротким писком, и я нырнула в салон. Сумка отправилась на соседнее сиденье.

«Надо не забыть заехать на заправку», — отметила я про себя, запуская двигатель.

Мотор довольно заурчал. Я плавно выехала с парковки, выруливая на проезжую часть. Город за лобовым стеклом начал ускоряться, превращаясь в поток огней.

Странное дело: на нелегальных гонках я превращалась в настоящую безумицу. Адреналин, рёв трибун, визг резины — там я позволяла себе быть чокнутой. Но здесь, на обычных городских улицах, я была воплощением спокойствия и законопослушности. Одно дело — рисковать на трассе, и совсем другое — подставляться под лишение прав на ровном месте.

Внутри клуба реальность менялась. Музыка не просто играла — она вдалбливалась в череп, заставляя внутренности вибрировать в такт тяжелым басам. Неоновые лучи — ядовито-розовые и мертвенно-голубые — разрезали полумрак, отражаясь в сотнях стеклянных бутылок за моей спиной. Запах здесь был густым, как сироп: смесь дорогого парфюма, дешевых сигарет, разлитого алкоголя и разгоряченных тел.

Я скучала. Опершись локтями о холодную поверхность стойки, я лениво наблюдала за колышущейся толпой на танцполе, ожидая первого на сегодня клиента, которому захочется излить душу или просто залить в неё побольше горячего.

— Привет. Поговорить надо, — раздался над ухом знакомый голос.

Ко мне подошел Эдик — правая рука босса и по совместительству человек, который всегда считал себя важнее, чем был на самом деле. Он притерся к барному стулу, пытаясь принять деловой вид.

— Либо покупай что-нибудь, либо проваливай, — отозвалась я, не меняя позы и ритмично постукивая ноготками по столешнице.

— Таня, я серьезно! — Эдик сорвался на крик, пытаясь перекричать взрыв очередного дропа в колонках. — Нужно перетереть одно дело!

— А я серьезно: не разговариваю с теми, кто не приносит бару выручку, — я отстранилась от стойки и одарила его своей самой сахарной, ядовитой улыбкой.

Эдик на мгновение замялся, его лицо пошло пятнами от раздражения, и он злобно прикусил губу, пряча взгляд.

— Ладно... Коктейль давай. Мохито. Безалкогольный! — он швырнул купюру на стойку.

Я расплылась в широкой, уже искренней улыбке. Деньги я любила. Сгребая купюру, я начала привычный ритуал: чуть пританцовывая под бит, я выудила лайм, мяту и лед.

— Совсем другое дело, — промурлыкала я, виртуозно смешивая ингредиенты. В шейкере зазвенел лед, струя содовой с шипением наполнила высокий стакан.

В завершение я со стуком поставила напиток перед ним и воткнула прозрачную трубочку.

— Я вся в твоём внимании, Эдичка. Выкладывай.

Он придвинулся ближе, его взгляд стал колючим.

— У нас в городе мент новый объявился. Серьезный парень, говорят.

— Ха! И что с того? — я вскинула бровь, протирая полотенцем чистый стакан. — Мало ли их тут шастает?

— Ничего. Просто решил тебя предупредить.

— Предупредил? Молодец. А теперь бери свой сок и иди тусуйся к остальным, не загроживай обзор, — я махнула рукой в сторону толпы, где народ уже всюю зажигал под агрессивный рэп.

Эдик нахмурился, кивнул мне напоследок и, подхватив стакан, растворился в море тусующихся.

«Новый мент, значит...» — эта мысль эхом отозвалась в голове. Ну и ладно. Лично мне он ничего не сделает. По документам я — чище снега в горах. Обычная жизнь, работа, учеба...

Прошло несколько часов, и клуб превратился в кипящий котел. Я крутилась как заведенная: бокалы летали в моих руках, наполняясь виски, вином, водкой и ледяным мохито. Казалось, не я одна решила, что вечер понедельника — лучший повод для того, чтобы стереть память об очередном тяжелом дне.

Впрочем, у меня были свои способы расслабляться, и алкоголь в них не входил. За ночь ко мне то и дело подкатывали «герои» — самоуверенные мажоры с пачками денег и пьяные в хлам бедолаги, искавшие понимания. Каждому из них я отвечала холодным отказом, даже не глядя в глаза. Для них я была лишь частью интерьера, красивой куклой за стойкой, но для меня они были лишь бесконечным потоком лиц, которые нужно было обслужить.

К утру неон померк, а музыка сменилась тихим, давящим гулом. Гости начали расползаться. Кого-то приходилось вежливо будить, тормоша за плечо, а кого-то — бесцеремонно выставлять за дверь. Когда последний посетитель покинул зал, я почувствовала, как усталость навалилась на меня.

Я достала из кармана жилетки заветный ключ. Босс ценил меня слишком сильно, чтобы заставлять тащиться домой через весь город в таком состоянии, поэтому за мной был закреплен отдельный номер в VIP-зоне. Он находился в самом дальнем крыле, подальше от гостевых комнат, чтобы ни один посторонний звук не мешал моему сну.

В комнату уже прокрадывался бледный рассветный свет. Я заперла дверь на два оборота и с облегчением выдохнула. Волосы наконец обрели свободу: я сняла крабик и бросила его на стол. Глядя на свое отражение, я видела только усталость. Одежда пропиталась запахом чужих сигарет и пролитого спиртного так сильно, что казалась чужой кожей. Я стянула её и аккуратно развесила на спинке стула, оставшись в одном белье.

Схватив пушистое белое полотенце, я направилась в ванную. Здесь, в этом «храме отдыха», обстановка была специфической: на стенах и полках висели атрибуты для БДСМ — явный намек на то, как обычно используют эти номера другие гости. Я невольно съёжилась от этой картины и поскорее нырнула под струи горячей воды. Выйдя из ванной, я тщательно вытерлась, свернула полотенце и положила его на край стола. Не люблю хаос, даже когда валюсь с ног.

Я подошла к кровати, откинула тяжелое одеяло и присела на край матраса. Ноги гудели. Проскользнув под прохладную ткань, я почувствовала, как мягкость постели поглощает меня. Сон пришел мгновенно, едва голова коснулась подушки.

Мне снилось детство.

«Школьный коридор был залит ярким солнцем, вокруг стоял невообразимый шум и гам. Одноклассники носились друг за другом, то и дело задевая меня и зазывая в игру, но я, маленькая девочка в темно-синем платице с белоснежным кружевным фартуком, только плотнее

прижималась к стене. На ногах — туфельки в тон платью, аккуратные белые носочки. Я стояла, выглядывая из-за угла, и не могла отвести глаз от него.

Он был старшеклассником. Высокий, красивый и какой-то пугающе опасный. Его постоянно окружали стайки фигуристых девчонок, которых он почему-то всегда отшивал с холодным безразличием.

— Тань, ну на кого ты там опять пялишься? — раздался над ухом голос Алёны.

Моя подруга была одета в такую же форму, как и я. Её рыжие волосы, вечно путающиеся и похожие на макароны, обрамляли лицо, густо усыпанное веснушками. Но глаза — карие, горящие каким-то внутренним пламенем — всегда выдавали её боевой характер.

— А-а, всё понятно. Опять на своего Серёженьку пялишься, — протянула она, проследив за моим взглядом. — Подруга, забудь, тебе с ним ничего не светит. Он же на целых семь лет старше!

— А вот и светит! — вдруг выкрикнула я, забыв об осторожности. — Я его люблю! И буду любить, даже если у него появится девушка!

Я крикнула это так громко, что Сергей обернулся. Наши глаза встретились. Он посмотрел на меня и вдруг улыбнулся — легко, как-то по-доброму и радостно. Вспыхнув до корней волос, я легонько толкнула Алёну в плечо и, не помня себя от смущения, убежала в класс.

Резкий, надрывный звонок телефона вырвал меня из сна. Я застонала, зарываясь лицом в подушку, но аппарат не умолкал. Вслепую нащупав его на тумбочке, я ответила, даже не глядя на экран.

— Лукина! Ну сколько можно прогуливать?! — в ухо ворвался визгливый голос Ольги Борисовны. — Живо в университет! Чтобы на последней паре была как штык!

Я с трудом приподнялась, опираясь спиной о жесткую спинку кровати, и откинула спутанные волосы со лба.

— Никуда я не пойду, — ответила я хриплым, едва узнаваемым голосом. — У меня сегодня выходной.

Ночь была слишком тяжелой, и всё, чего я хотела, — это провалиться обратно в некуда. От того, что я пропущу один день, университет не рухнет, а оценок у меня и так было в избытке.

— Какой еще выходной, Лукина?! Марш на занятия, иначе я сейчас же позвоню твоим родителям! — она верещала так, что виски начало ломить.

— Звоните куда хотите. Хоть в полицию, — бросила я, чувствуя, как раздражение закипает внутри. — А теперь отстаньте, я сплю.

— Лукина, марш в универ! Какой спать, Луки...

Я сбросила вызов, не дослушав, и тут же перевела телефон в авиарежим. Гаджет с сухим стуком лег на стол. В этот момент в дверь негромко постучали.

— Кто? — спросила я, и мой голос прозвучал совсем уж странно.

— Прости, Тань, я думала, ты уже уехала. У меня уборка по расписанию, — послышался из-за двери голос тёти Светы.

— Всё нормально, — я откашлялась. — Открывай своим ключом, заходи.

Тётя Света была нашей уборщицей. Добрая, тихая женщина в возрасте, она терпеть не могла шумные тусовки, поэтому приходила в клуб рано утром, когда никого не было, чтобы вычистить всё то, что успели «натворить» клиенты за ночь. Дверь тихо щелкнула, и Света вкатила свою тележку с инвентарем.

— Извини, что разбудила, не знала, что ты здесь, — промурлыкала она, направляясь в ванную с ведром.

— Всё хорошо... — прохрипела я в ответ.

В горле неприятно запершило. Обычно сонный хрип проходит через минуту, но сейчас боль только усиливалась.

— Ты что, Тань, простудилась, небось? — голос Светы доносился из ванной под шум льющейся воды.

— Нет, просто не проснулась еще до конца.

— Ну, тогда водички попей, и всё пройдет.

— Обязательно, — буркнула я, потирая шею, и снова нырнула под одеяло.

Света вышла из ванной и принялась за работу: поднимала стулья, сворачивала ковер, методично отмывая каждый сантиметр пола.

— Тань, тут твои вещи висят... Постирать?

— Не нужно, — я высунула нос из-под одеяла. — Я сейчас еще немного полежу и домой поеду.

Мне вдруг стало жарко. Невыносимо жарко. Признать, что вчерашняя прогулка на балконе в одном лонгсливе вышла мне боком, не хотелось.

Я добиралась до дома как в тумане. По пути заехала в круглосуточную аптеку, чувствуя себя выжатым лимоном. Когда я зашла в лифт своего дома, ноги буквально подкашивались. Всего лишь вечерний ветерок — и я, считавшая себя железной леди, расклеилась, как бумажный самолетик в луже.

Зайдя в квартиру, я из последних сил сбросила сумку и вещи прямо у порога и, не раздеваясь, рухнула на черный кожаный диван в гостиной.

— Только простуды мне сейчас не хватало, — прошептала я, закрывая глаза. — Черт... только не сейчас.

Глава 6

Сергей

Заполнив последние графы в документах, я протянул стопку листов шефу. Тот принял их неспешно, углубился в чтение, а затем поднял на меня тяжелый, властный взгляд, в котором читались многолетний опыт и нескрываемое любопытство.

— Гайдуков Сергей Сергеевич... — медленно произнес он. — Учеба за границей, служба в армии там же, серьезная работа в штатах. Что тебя обратно-то принесло? Неужели по родине соскучился?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.